

Голос генерального директора Ляна раздался из-за спины как раз вовремя:

— Ты меня за одинокого старика держишь? Боишься, что со скуки помру, раз решил отдать мою кошку?

Пойманный с поличным на сплетнях, Юэ Цзэ ни капли не смутился. Напротив, он весело расхохотался и, поманив Лян Жисюня рукой, позвал:

— Господин Лян, взгляните-ка на это!

Лян Жисюнь подошел ближе. Юэ Цзэ ловко выхватил из рук Сунь Цзяцзя бумаги и протянул ему.

— Смотрите, в этой передаче разрешено участвовать с семьей или друзьями. Господин Лян, не хотите составить мне компанию?

Лян Жисюнь бегло просмотрел бумаги, затем поднял взгляд и пристально посмотрел на Юэ Цзэ, пытаясь разгадать его замысел. Обычно артисты, живущие на содержании, из кожи вон лезут, чтобы держаться подальше от своих покровителей — лишь бы никто ничего не заподозрил. Этот же вел себя совершенно иначе. Мало того что на съемочной площадке не отходил ни на шаг, так теперь еще и на телевидение за собой тащит. Что за этим кроется? Юэ Цзэ уже успел заявить о себе, и для раскрутки чужое имя ему явно не требовалось. Зачем же тогда парню на каждом углу трубить об их близких отношениях?.. В голове Лян Жисюня мелькнула смутная мысль, но ухватить ее не удалось. Он впервые поймал себя на том, что не может до конца понять этого, казалось бы, наивного юношу.

Вопреки всем уговорам и протестам Сунь Цзяцзя, Лян Жисюнь все же согласился прийти на передачу в качестве близкого друга. По сценарию он должен был появиться из-за кулис под торжественную музыку прямо посреди интервью — в роли «секретного гостя». Хоть он и не принадлежал к шоу-бизнесу, выдающаяся внешность и почти легендарная биография сделали его известной фигурой не только в городе S, но и по всей стране. Стоило ему ступить в студию, как чат прямой трансляции буквально взорвался.

Еще во время дебюта Сян Цзэ они переписывались в Вейбо, а позже поползли слухи об их тайной связи. Однако пиарщики Сян Цзэ сработали профессионально, да и армия поклонников его экранного романа была слишком огромной, чтобы обращать внимание на подобные сплетни. Многие считали, что то дружеское общение в сети — лишь дань вежливости со стороны Лян Жисюня, у которого просто были дела с влиятельной семьей Сян Цзэ. Но теперь, глядя на экран, зрители начали понимать: всё гораздо сложнее.

В студии горели софиты. Лян Жисюнь, одетый в элегантный серебристо-серый костюм, безупречно подчеркивающий его статную фигуру, уверенно шагнул на сцену. Волосы его были гладко зачесаны назад и зафиксированы гелем. Под бурные, заранее отрепетированные аплодисменты зала он шел вперед со всей своей властной грацией, напоминая пущенную в цель стрелу. Ведущий тут же перевел взгляд на Сян Цзэ, ожидая увидеть на его лице

удивление и восторг — обязательные элементы для красивой картинке. Сян Цзэ отыграл свою роль безупречно. При виде Лян Жисюня он радостно просиял. Широко улыбаясь, он поднялся навстречу, заключил гостя в крепкие дружеские объятия и, уже отстраняясь, мимоходом прижался к нему бедром.

Лян Жисюнь одарил его долгим, многозначительным взглядом, после чего увлек за собой к дивану напротив ведущего. Выслушав приветствие, он сдержанно кивнул в объектив камеры, растеряв всю свою привычную расслабленную небрежность.

«Ишь как старается держать лицо перед публикой», — мысленно усмехнулся Юэ Цзэ.

Улучив момент, когда объективы были направлены в другую сторону, он незаметно, но чувствительно ущипнул Лян Жисюня за ягодицу.

У главы корпорации перехватило дыхание. Из-за всех сил пытаясь сохранить невозмутимость, он собственническим жестом опустил ладонь на талию Юэ Цзэ и, слегка сжав пальцы, предостерегающе провел по ней. Парень тут же притих.

Сидящий напротив ведущий, который прекрасно все видел, едва не поперхнулся.

Впрочем, профессионализм взял верх, и ведущий быстро вернул самообладание. Обратившись к Лян Жисюню, он заговорил:

— Большое спасибо, господин Лян, что нашли время заглянуть к нам. Признаться, когда я узнал, кто станет нашим секретным гостем, я был поражен. Всем известно, что вы возглавляете YZ Entertainment и, соответственно, являетесь боссом нашего дорогого Сян Цзэ. Позвольте спросить от лица всех зрителей: это такая щедрая забота о сотрудниках?

Лян Жисюнь снисходительно улыбнулся:

— Мы друзья.

Ведущий театрально удивился:

— О, но насколько мне известно, всё куда интереснее!

С этими словами он указал на огромный экран позади них. Там красовался снимок, на котором Сян Цзэ в форме охранника нес службу у парадных дверей офиса YZ Entertainment. Та самая фотография, которую в свое время Ци Цзэюй пытался выдать за неопровержимое доказательство его постыдной связи с покровителем.

Хитро прищурившись, ведущий продолжил:

— В свое время этот кадр наделал много шума в сети. Утверждали, что снят он около полугода назад, буквально за пару дней до вашего официального дебюта. Сян Цзэ, расскажите, как вам удалось совершить столь головокружительный прыжок из обычной охраны в главные звезды агентства? Не приложил ли к этому руку господин Лян?

В чате трансляции тут же поднялась буря. Антифанаты годами использовали этот снимок как главный козырь, но после того как администрация спешно вычистила тему, фото больше не всплывало на широкую публику. Зачем редакторы шоу вытащили его сейчас? Намек ведущего был прозрачен как стекло: Сян Цзэ — содержанец Лян Жисюня. Но если это правда, как они решились прийти на эфир вместе? Обыватели предвкушали грандиозный скандал, а преданные поклонники затаили дыхание. Им отчаянно хотелось верить своему любимцу, но упрямый факт на экране так просто было не перечеркнуть.

Однако вопреки ожиданиям публики, Сян Цзэ вовсе не растерялся и не вспыхнул от гнева. Напротив, он весело фыркнул и прикрыл лицо ладонью, скрывая смех, пока кончики его ушей медленно заливались пунцовой краской.

Сидящий рядом Лян Жисюнь принял максимально независимый вид. Он закинул ногу на ногу и расслабленно откинулся на спинку дивана, будто происходящее его совершенно не касалось, предоставляя юноше возможность самому выкручиваться из ситуации.

— Что ж, скрывать не буду: я действительно начинал в YZ Entertainment простым охранником, — отсмеявшись, наконец произнес Сян Цзэ.

Экран мгновенно запестрел знаками вопроса и едкими комментариями скептиков.

— Мне тогда едва исполнилось восемнадцать, — с обезоруживающей искренностью продолжил Сян Цзэ. — Жизнь была ключом, хотелось работать, и я решил штурмовать YZ, чтобы устроиться к ним актером.

Зрители по ту сторону экрана дружно прыснули. Любой здравомыслящий человек за массовой отправился бы на киностудию, но заявляться напрямую в центральный офис крупного холдинга — это было запредельной глупостью.

— Ну и, как видите, с актерством в первый день не задалось, зато нашлась вакансия в охране, — развел руками юноша.

Ведущий тоже не выдержал и улыбнулся:

— И как же события развивались дальше?

— Буквально в мою первую смену ко мне спустились сверху. Я-то, наивный, решил, что это агент по поиску талантов, а оказалось — сам генеральный директор.

Лян Жисюнь перехватил инициативу:

— Я как раз сидел в машине и краем глаза заметил, как этот прохвост строит глазки кому-то из прохожих. И в ту же секунду понял: парень далеко пойдет.

Сян Цзэ удивленно посмотрел на него:

— Так вот оно что? А я-то был уверен, что вы просто не устояли перед моей неземной красотой!

— И то, и другое, — уклончиво буркнул Лян Жисюнь.

Сян Цзэ со смехом покачал головой и снова повернулся к ведущему:

— Дядюшка Лян не просто подарил мне путевку на сцену. Он оплатил мои курсы актерского мастерства, помог с жильем... Знаете, это действительно похоже на судьбу. Для меня он стал настоящим «длинноногим папочкой». Мне невероятно повезло встретить его. Даже представить не могу, где бы я сейчас был, если бы не дядюшка Лян.

Поток ядовитых комментариев в чате заметно иссяк. Сян Цзэ говорил настолько просто и открыто, без тени фальши или неловкости, что даже у самых заядлых скептиков не повернулся бы язык обвинить его во лжи. Комментаторы тут же переключились на шутки по поводу фамильярного «дядюшки Ляна». Те, кто знал реальный возраст главы YZ Entertainment, покатывались со смеху, пытаясь представить степень шока солидного бизнесмена от такого обращения.

В студии тихо зазвучала трогательная, лирическая мелодия. Ведущий изобразил на лице глубокое сопереживание, хотя в душе не без иронии отметил: надо же, впервые видит, чтобы банальное содержание преподносили с таким пафосом и благородством. У этого мальчишки определенно была железная хватка и редкая наглость.

Услышав слова о «судьбе» и «предназначении», Лян Жисюнь невольно взглянул искоса на сидящего рядом юношу.

Его личные врачи до сих пор разводили руками, не в силах объяснить, почему плотское влечение просыпалось в нем исключительно рядом с этим мальчишкой. Лян Жисюнь всегда считал себя убежденным материалистом, но теперь поневоле задумывался о мистике. В общении с людьми он неизменно воздвигал невидимую стену. Пока человек держался в рамках дозволенного, ему прощалось многое, но стоило переступить черту — и он навсегда исчезал из его жизни. Холодная расчетливость уберегала от лишней головной боли. Именно поэтому приятели могли позволить себе легкую фамильярность, но до смерти пугались, стоило Лян Жисюню нахмуриться.

С Юэ Цзэ всё пошло наперекосяк. Сначала рамки дозволенного для него были непривычно

широкими, затем, когда он перешел границы, ему дали второй шанс, а теперь эти границы и вовсе размылись. Мальчишка постоянно дерзил, подкалывал его, но вместо злости Лян Жисюнь чувствовал странное умиление. И дело было не только в безумном физическом притяжении — он понимал, что этот парень медленно, но верно забирает его сердце. Особенно ярко это проявилось на съемочной площадке, когда Юэ Цзэ перевоплотился в Цзо Чэна. Тот страстный, увлеченный делом юноша казался ему настоящим, живым. Он сиял так ослепительно, что заставлял забыть обо всем на свете. Под влиянием физиологии и подсознательного влечения в душе Лян Жисюня впервые зародилось нечто похожее на любовь.

Вот только парень не испытывал к нему ответных чувств.

Эта мысль, внезапная и неоспоримая, укоренилась в его сознании так же прочно, как и вождение. словно внутренний голос неустанно нашептывал: у этого мальчишки нет сердца, он играет с тобой, лжет в глаза и при первой же возможности упорхнет прочь. Недавняя история с пиар-кампанией лишь подтвердила эти опасения. Юноша был эгоистичен и расчетлив в своем очаровании; он никогда — ни при каких обстоятельствах — не полюбит по-настоящему.

Лян Жисюнь чувствовал себя уязвленным. Ему казалось это несправедливым, и потому он из всех сил скрывал свою привязанность, упрямо твердя себе: «Это просто красивая игрушка, которая рано или поздно исчезнет». В постели он сознательно бывал груб, упиваясь его беспомощным, обиженным видом и фальшивой покорностью в глазах — словно пытался доказать самому себе, что не попал в рабство к этому мальчишке, а по-прежнему лишь забавляется с ним. Подобная демонстрация силы выдавала его внутреннюю слабость, а нелогичная мягкость в повседневной жизни лишь запутывала окончательно. Даже помощник У Вэй замечал эти метания, да и сам Лян Жисюнь втайне презирал себя за столь нелепое поведение, но не знал, как все исправить.

Но сейчас, услышав от Юэ Цзэ слова о «судьбе», он почувствовал, как броня его самообмана дала трещину. Лян Жисюнь впервые усомнился в собственных выводах. Юноша смотрел на него с такой теплотой, а его благодарность звучала настолько искренне, что в памяти всплыла их первая встреча и робкое: «Я отношусь к вам как к родному дяде».

«Пусть его обожание фальшиво, — подумал Лян Жисюнь, — но признательность-то настоящая. Пожалуй... стоит относиться к нему помягче».